

Евгений Евстафьев

БЕГА, СКАЧКИ И НЕ ТОЛЬКО

ЕВГЕНИЙ ЕВСТАФЬЕВ

**Бега, скачки и не
только. Путь зоотехника**

«Пробел-2000»

2019

УДК 821.161.1-1Евстафьев
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Евстафьев Е. С.

Бега, скачки и не только. Путь зоотехника / Е. С. Евстафьев —
«Пробел-2000», 2019

ISBN 978-5-98604-704-1

Мало кто из поступающих на зоофак любого учебного заведения может представить себе, чем же конкретно он будет заниматься. Особенно это касается специализации по коневодству, настолько разнообразным может стать применение знаний о лошади. А большую часть этих знаний нам предстоит осваивать уже самостоятельно, в течение всей жизни, критически осмысливая свой и чужой практический опыт. Для меня этот опыт был более чем разнообразным и не всегда полезным, о чем и будет вкратце рассказано. Хотя на чужих ошибках редко кто учится. Но сначала о том, как вообще случилось, что мальчик из московского подвала увлекся лошадьми и, мало того, выбрал такую профессию.

УДК 821.161.1-1Евстафьев
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-98604-704-1

© Евстафьев Е. С., 2019
© Пробел-2000, 2019

Содержание

Дороги, которые мы выбираем	6
Зоотехник ипподрома	8
Зоотехник ВНИИ коневодства	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Евгений Евстафьев

Бега, скачки и не только. Путь зоотехника

Евгений Сергеевич Евстафьев

Родился в г. Москве в 1939 г. в семье художников. Учился в Московском энергетическом институте, ушёл с третьего курса на зоофак Московской ветеринарной академии. Отслужил три года в армии. В 1966 году начал работать зоотехником на Раменском ипподроме, специализируясь в дальнейшем на разных должностях в области призового коннозаводства.

© «Пробел-2000», 2019

© Евстафьев Е.С., 2019

Дороги, которые мы выбираем

Я был хорошим домашним ребенком. Закончил на отлично начальную школу, успешно участвовал в математических олимпиадах и, за неимением каких-то выраженных интересов и талантов, после года работы такелажником, поступил в 1957 году в Московский энергетический институт. Престижно.

Но зерно будущих увлечений было посеяно еще в детстве. Мы как подвальные жители каждое лето снимали дачу в районе Сходни, где я с мамой-художницей ходил на конноспортивную базу «Пищевик». Там она делала наброски, пользуясь пособием «Как рисовать лошадь». Помню тот альбом с подробным описанием и изображением лошадиных статей. Мама и в дальнейшем любила писать лошадей на пастбище и в работе. Эти первые впечатления всплыли в памяти, когда в десятом классе мы с приятелем из любопытства попали на трибуны Московского ипподрома.

С первого посещения бегов меня привлекла неповторимая эстетика этого спортивного зрелища. Хотя, конечно, главным возбудителем интереса была возможность попытаться счастья в игре. Благо, в то время, чтобы сделать ставку, можно было скинуться с кем-нибудь, кто ходил по игорному залу, выкрикивая разные варианты и собирая недостающие до одного рубля копейки. В дальнейшем мой приятель стал завсегдатаем ипподрома, а я там бывал от случая к случаю, пока не попал благодаря своей сестре Мирре на конюшню А.П. Крейдина. Сестра училась в то время на зоофаке Московской ветеринарной академии и только что вернулась с практики в Уфимском конном заводе. Запах конюшни, сбруи, обаяние самой лошади, все то, о чем так проникновенно писал А.И. Куприн, покорили меня сразу. А чего стоит мелькание земли под качалкой и, за счет этого, живое ощущение скорости! И хотя после первых двух проездов, особенно на сильно тянущем Трепете (Гастролер – Тревога), я едва мог спокойно закурить, визиты на конюшню с того дня стали для меня отрадой. Потом я ездил у Я. Чернышова и Е. А. Крашенинникова, а после книги Н.Н. Славина по тренингу рысаков еще глубже погрузился в этот мир.

Я и раньше учился в МЭИ спустя рукава, а теперь стал больше прогуливать, появились «хвосты». Комсомол меня «прорабатывал», считая мое увлечение недостойным будущего советского инженера. И, получивши по болезни на третьем курсе академический отпуск, я всерьез задумался о своем безрадостном будущем инженера-электрика. Окончательный выбор помогла мне сделать работа В.О. Витта «Из истории русского коннозаводства». Я читал ее как увлекательнейший детектив. Магия имен знаменитых рысаков, тайны гениальных подборов, развитие мужских линий и маточных семейств – это был неведомый мне до сих пор мир открытий. А чтобы попасть в этот мир, надо было получать соответствующее высшее образование.

Я пошел по стопам моей сестры. Переговорив с завкафедрой коневодства Н.М. Шпайером и деканом зоофака, я забрал документы из МЭИ и переводом был зачислен на второй курс зоофака МВА. Надо сказать, что в те времена это было поступком. Недоумевали друзья, ухмылялись соседи – настолько бесперспективным казалось занятие коневодством. После сдачи ботаники и анатомии с/х животных за первый курс, учиться стало легко и скучно. Сейчас мне представляется, что пятилетний курс учебы на зоофаке был слишком растянут, было много лишнего, нужна была более ранняя специализация, которая появилась потом в Тимирязевке. Но тогда у меня было много свободного времени, я продолжал читать специальную литературу и бывать на конюшнях и, как единственный на всем курсе «конник» (перед окончанием МВА мой сокурсник и товарищ Виктор Петрухин тоже избрал ненадолго это направление), рассчитывал получить по окончании направление в рысистый конный завод. Однако, первую практику пришлось проходить в подмосковном совхозе на телятнике («крутил хвосты»). Зато вторая практика, благодаря Н.М. Шпайеру, была предоставлена мне на Московском иппо-

дроме (ЦМИ). В то время на ЦМИ было создано несколько опытных тренотделений (т/о) с тремя помощниками наездника, одно из них возглавлял замечательный мастер П.А. Лыткин. В основе тренинга лежали объемные тротовые работы и трехгитовые маховые. Тогда у П.А. Лыткина бежали такие замечательные дистанционеры Александровского завода как Кагат, Азимут, Огонь, которых мне посчастливилось работать и тротом, и махом (вместе с мастером). Павел Александрович начал доверять мне самостоятельную работу на других лошадях, четыре раза я участвовал в заездах, три раза был в призах, но тайны мастерства езды оставались для меня за семью печатями. Я и сейчас «плаваю» в вопросах сборки головы лошади, использования различных ухищрений в подготовке к езде «на удар». Эта практика, а также самообразование по части генеалогической структуры рысистых пород, укрепили мое желание работать селекционером в конном заводе. Но не тут-то было.

В 1963 году после окончания третьего курса, в связи с ликвидацией военной кафедры, меня забрали на три года в армию. Продолжать очное обучение после службы в возрасте 27 лет, сидя на шее у родителей, было немислимо. Поэтому я еще в армии перевелся на заочный факультет в Сельхозинститут в Царском Селе под Ленинградом, неподалеку от моей части. Кафедру коневодства там возглавлял «последний из могикан» старого питерского конного мира профессор С.В. Афанасьев. Для него было приятной неожиданностью, что на курсе нашелся хоть один студент по его профилю. Защищал я дипломную работу по сравнению первых возрастных ставок Лоу Ганновера и Билла Ганновера. А получил диплом «ученого зоотехника» только в 1968 году, когда уже работал на ЦМИ, через 11 (!) лет после первого поступления в вуз. Тем не менее, должность зоотехника я получил на Раменском ипподроме, еще не имея диплома, в 1966 году уже через два дня после «дембеля». Опять помогла сестра, рекомендовавшая меня Р.И. Калинин. Она защищала диплом по линии Подарка и хорошо знала его как начкона Лавровского завода. С благодарностью вспоминаю Романа Ивановича как своего первого наставника.

Так цепочка случайных эпизодов – база «Пищевик», альбом «Как рисовать лошадь», тотализатор на ЦМИ, учеба сестры на зоофаке в МВА, конюшня Крейдина, книги Н.Н. Славина и В. О. Витта, Ленинград – вывела меня на столбовую и, как оказалось, ухабистую дорогу зоотехника. Определилась и специализация – рысистое дело во всех аспектах.

Зоотехник ипподрома

На Раменском ипподроме я приобщился ко всем основным обязанностям, связанным с организацией испытаний рысаков. В дополнение к этому приходилось немало заниматься хозяйственными заботами, организуя и участвуя самому в доставке фуража с железной дороги, снабжении инвентарем, подковами, обкосом территории (на конной косилке), погрузкой и разгрузкой лошадей вагонами или бортовыми машинами. Иногда я ездил по делам областной Госконюшни для проверки содержания принадлежащих ей жеребцов (как вспомню – так вздрогну).

Самым интересным было участие наших лошадей в больших призах на других ипподромах – Тверском (тогда Калининском) и, особенно, Московском. К этому специально готовились, переживали за своих и радовались успехам. А успехов, как и сейчас, было немало. Успешно бежали в Москве питомцы Ширхалова, Кащеева, Доронина, Бай-рова. В дальнейшем «грозой» для москвичей стал В.Н. Ростовщиков. Но даже на бегах в Раменском было интересно. Старые деревянные трибуны были заполнены любителями, приезжало немало москвичей, программки для которых привозила в Москву по пятницам незаменимая баба Клава. Сохранялась уютная патриархальная атмосфера, позволяющая посетителям расслабиться и даже поспать в прилегающей березовой рощице. У меня остались о тех временах самые теплые воспоминания.

Главным судьей на Раменском ипподроме был тогда П.М. Мясоедов, бывший наездник ликвидированного Ленинградского ипподрома (опять Питер!), с которым мы быстро подружился. Я вздумал было поучаствовать в бегах, и как мне было стыдно, когда Сингаита (Горняк – Симпатия) Смоленской ГЗК (до сих пор помню!), выигрывая в моих руках целый столб, сошла к финишу на иноходь. Но это, к счастью, было вскоре забыто. Через год по рекомендации Павла Михайловича меня приняли третьим помнаездника на ЦМИ в т/о А.И. Хирги с некоторыми перспективами на зоотехническую работу. Работал я не без удовольствия, имел хорошие выступления, а через год получил в Питере диплом, и после небольшой паузы, когда обслуживал тройки на «Русской зиме» на ВДНХ, был снова приглашен на ЦМИ уже зоотехником. Это было в 1968 году.

Зоотехником на ЦМИ я проработал тоже недолго, около полутора лет. Как ни странно, но здесь оказалось несравненно скучнее, чем в Раменском. Функции зоотехника сводились к утреннему обходу закрепленных тренотделений и сбору заявок на участие в призах. Мы отвечали также за трудовую дисциплину тренперсонала (пьют!). Интересно и полезно было участвовать в приемке и бонитировке молодняка, поступающего на ипподром. Основным же занятием, как вспоминается, было ведение документации и составление различных отчетов. Какой только статистики мы не обрабатывали – это невозможно сейчас представить! В те годы в наши обязанности входил еще так называемый контроль за развитием молодняка, для чего надо было регулярно взвешивать лошадей и брать у них промеры. Промеры были нужны и для бонитировки, но зачем вес?!

Действительно интересной и творческой работой для зоотехника на любом ипподроме, как я убедился в дальнейшем, является запись лошадей на призы и составление беговой программы, а также участие в судействе. Что касается составления заездов и программы в целом, то это делается до сих пор по принципу «я тебя слепила из того что было». И если на ЦМИ есть из чего «лепить», то на других ипподромах – не очень. Нежелание или неумение составлять полноценные планы розыгрыша рядовых призов – один из фундаментальных недостатков формирования программ. Но тогда это не так бросалось в глаза благодаря достаточно логичной и соблюдаемой групповой системе.

На Раменском и Московском ипподромах завязались и затем поддерживались хорошие отношения с рядом наездников, в т. ч. с М.С. Фингеровым. В дальнейшем, когда я работал главным судьей, это послужило поводом для обвинений в необъективности судейства – уж очень не любили Михаила за его независимый характер и вызывающее поведение. У меня самого бывали с ним стычки. Хорошим и умным стихотворением откликнулась на его смерть Лена Липатникова: «... никто его не знал...». На ЦМИ я впервые проявил свой неудобный характер, выступив на собрании с критикой снабжения тренотделений инвентарем и заказными подковами, за что был временно «сослан» в отдел справочников, которым руководил Олег Фомин – интересный и симпатичный собеседник, кладезь разных знаний.

В целом, для меня работа зоотехником на ипподромах, включая три сезона обслуживания скачек на ЦМИ в 1988-90 гг. (в чем я никогда не был большим специалистом), была безусловно полезной. Мне удалось окунуться в простые будничные заботы тренперсонала, их проблемы, узнать и некоторые темные стороны ипподромной жизни, что в дальнейшем помогало (а иногда и мешало) работе главным судьей. Завязались товарищеские отношения на много лет со многими специалистами ЦМИ – Светланой Левченко, Валерием Никулиным, Алексеем Кочергиным и др. В эти же годы я познакомился с Юрием Борисовичем Алексеевым – директором ЦМИ в 1970-74 гг., который в дальнейшем не раз поддерживал меня в разных обстоятельствах и с семьей которого мы дружны до сих пор.

К работе зоотехником на ипподроме можно условно отнести мои функции по обслуживанию московской команды, направленной в 1974 году в Одессу по инициативе лаборатории тренинга ВНИИК. В то время я работал в этой лаборатории, поэтому на меня и возложили основные технические обязанности по подготовке оптимальных условий испытаний. Надо было организовать ремонт, измерение и регулярный полив дорожки, вывоз лошадей на купание в Хаджибейском лимане, обеспечение их разнообразными кормами, получение и регистрацию достоверных результатов испытаний. Результаты были, есть о чем вспомнить!

Благодаря этому мероприятию оживились связи Московского и Одесского ипподромов, причем, на всех уровнях – от любителей до администрации. Одесские завсегдатаи трибун стали регулярно приезжать на большие призы в Москву – это стало традицией на много лет, московское руководство приглашало одесских наездников с их лошадьми для участия в международных призах. Надо сказать, что в те годы еще более активные контакты поддерживались с киевлянами, которые регулярно и успешно участвовали в больших призах в Москве. Лев Карпинский, Юрий Привалов, Павел Бабутин и Степан Дорошенко из Киева, Иван Рыжих и Валерий Сав-чиц из Одессы были всегда желанными гостями. Теперь об этом можно только мечтать.

Зоотехник ВНИИ коневодства

На ЦМИ я кое-чему научился, но особых перспектив не видел.

К тому же, у меня появилась полноценная семья, что накладывало дополнительную ответственность, и я попробовал «сунуться» в науку, поступив в аспирантуру в Тимирязевскую академию и прирабатывая параллельно дворником на стадионе «Наука». Интересную тему для диссертации я не нашел, но вскоре мне крупно повезло. Меня пригласили зоотехником лаборатории тренинга, располагавшейся на ЦМИ, с переходом в заочную аспирантуру при ВНИИК.

Этот период с 1971 по 1976 год оказался для меня самым интересным и плодотворным в моей профессиональной биографии. В эти годы мне предоставилась уникальная возможность совместить привычное наблюдение за тренингом и испытаниями рысаков с организацией преддипломной подготовки. Что очень важно – это делалось на основе изучения физиологических основ повышения тренированности.

В лаборатории, руководимой Георгием Георгиевичем Карлсенем, царила товарищеская атмосфера, особую поддержку оказывал мне бывший работник Главка Борис Николаевич Попов. Одновременно сложились дружеские отношения со многими работниками других отделов ВНИИК, в частности – с Андреем Борисовичем Фоминым, курирующим русскую рысистую породу. У меня был относительно свободный график. Если я не был непосредственно занят в экспериментах, то мог не только наблюдать за тренингом лошадей опытных тренотделений, но и сам в этом участвовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.